

Исторические науки: история России и постсоветского пространства

УДК 327.2(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-12-22

Региональная стратификация политического пространства в ситуации распада СССР: концептуальные парадоксы и решения

Андрей В. Дахин

*Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Нижний Новгород, Россия, nn9222@rambler.ru*

Аннотация. Автор статьи рассматривает ситуацию распада СССР в аспекте анализа теоретико-методологических ресурсов, которые используются для исследования этих процессов. При этом происходит парадоксальное смешение теоретических подходов внутриполитической политической регионалистики и концепций, характерных для теории международных отношений. Отмечая достаточно глубокое концептуальное различие между теориями внутриполитической регионалистики и теориями международных отношений, автор показывает, что в ситуации исследований распада СССР, когда внутриполитические отношения между союзными республиками преобразуются в международные отношения постсоветских государств, концептуальные ресурсы этих субдисциплин политической науки обнаруживают признаки теоретико-методологического сближения. В частности, изучение текста советолога Г. Зимона показывает, что можно выявить концептуальное сходство двух названных субдисциплин. К числу общих подходов относится многоуровневая системность, когда предмет исследования рассматривается как система, находящаяся внутри некоторой метасистемы и включающая в себе некоторые подсистемы; концепты «вертикальных» и «горизонтальных» политических измерений политического пространства, концепты «жесткой силы» и «мягкой силы». Автор делает вывод: дальнейшая проработка этих вопросов позволит продвинуться в сторону создания цельной политологической теории региональной стратификации политического пространства в современном обществе.

© Дахин А.В., 2021

Ключевые слова: региональная стратификация, политическое пространство, внутриполитическая регионалистика, международные отношения, республика СССР, постсоветское независимое государство

Для цитирования: Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства в ситуации распада СССР: концептуальные парадоксы и решения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 12–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-12-22

The regional stratification of political space in the context of the USSR's collapse. Conceptual paradoxes and conceptual decisions

Andrei V. Dakhin

*Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia,
nn9222@rambler.ru*

Abstract. Author of the article has studied the situation with the USSR collapse in the aspect of analysing theoretical and methodological sources that were applied for these particular studies. There is a paradoxical mix of theoretical approaches from domestic regional political studies and concepts from typical international political studies. Noting a rather deep conceptual difference between the theories of domestic political regionalism and the theories of international relations the author shows that in the context of the USSR breakup, when domestic political relations between republics of the USSR were changed to international political relations between post-Soviet independent states, conceptual sources of those both sub-disciplines of political science reveal signs of theoretical and methodological convergence. In particular, the study of the text of the Sovietologist G. Zimon shows that it is possible to identify the conceptual similarity of the two mentioned sub-disciplines. Common approaches include multilevel consistency, when the object of research is considered as a system staying within a meta-system and including some sub-systems: the concepts of “vertical” and “horizontal” dimensions of political space; as well as concepts of “hard power” and “soft power”. The author concludes that the future elaboration on these aspects can give a roadmap toward a more complete politological theory of regional stratification of the political space in the modern society.

Keywords: regional stratification, political space, domestic regional political studies, international relations, republic of the USSR, post-Soviet independent state

For citation: Dakhin, A.V. (2021), "The regional stratification of political space in the context of the USSR's collapse. Conceptual paradoxes and conceptual decisions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 12–22, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-12-22

Анализ ситуации распада СССР интересен тем, что позволяет проследить, высветить парадоксальные отношения субдисциплин политической науки, которые, несмотря на известные тенденции «междисциплинарного синтеза», «междисциплинарного анализа» и пр., остаются в состоянии некоторого отчуждения и почти непрозрачны для взаимного теоретико-методологического обмена. Особенность контекста распада СССР состоит в том, что союзные республики, изучение которых в тот период было предметом советологической внутривнутриполитической регионалистики, после 1991 г. переходят в ведение субдисциплины «международные отношения». Внимание привлекает то, что на теоретическом уровне (советологической регионалистики) речь велась о новых концепциях для создания свободного союза суверенных государств на месте единого Советского государства, в которых предполагалась «передача компетенций нижестоящим организациям», «самоуправление народов и республик» [Zimon 1991, p. 9]. Понятия «нижестоящие организации» и «самоуправление» явно взяты из глоссария внутривнутриполитической регионалистики (советологической), хотя речь идет о начальном этапе в процессе становления международных отношений в постсоветском пространстве. «Достижение независимости» прибалтийских народов соотносится с провозглашенным М.С. Горбачевым намерением создания «гражданского общества» и утверждается: «На самом деле создание гражданского общества исключало сохранение... централизованного государства», где «мощное централизованное государство» видится «единственным гарантом» «порядка» и «дисциплины» [Zimon 1991, p. 11]. Понятие «гражданское общество» относится к методологической повестке внутривнутриполитической регионалистики, характеризует участников внутренних политических отношений в государстве, которое может быть более или менее централизованным. Переложенная в русло идеи распада СССР, внутривнутриполитическая эпистема «гражданское общество – государство» выворачивается наизнанку, чтобы вывести повествование из «регионалистики» в «международку»: «гражданское общество» представляется как нечто несовместимое с «централизованным государством», поэтому делается вывод о неизбежности

преобразования прибалтийских республик в самостоятельные государства. Отмечалось и то, что вместо централизованных коммуникаций возникает тенденция формирования «горизонтальных структур» для укрепления политических и экономических связей [Zimon 1991, pp. 23–24]. Из контекста видно, что понятие «централизованные отношения» (вертикальные структуры) относится к повестке внутривнутриполитической регионалистики, а рассказ о становлении «горизонтальных структур» – к повестке «международных отношений». Можно заметить также и то, что советологическая внутривнутриполитическая регионалистика, делая акцент на жесткости централизованного управления (распад государства определяется как «деколонизация» [Zimon 1991, p. 38]), заметно дискриминировала понятия, указывавшие на существование и состояние горизонтальных экономических связей между республиками СССР (система «совнархозов», экономических административных районов и пр.). С другой стороны, переводя повествование в контекст отношений постсоветских независимых государств, акцент делается на «горизонтальных структурах», а тема «вертикальных отношений» дискриминируется, будто в мире отношений независимых государств не существует систем вертикального подчинения.

Во всех приведенных примерах речь идет о механизме превращения внутривнутриполитических отношений республик СССР во внешнеполитические отношения независимых государств. История показала, что одни и те же политические регионы с их акторами и коммуникациями сохраняются в своем непрерывном существовании, но при этом переходят из одного состояния в другое. На уровне взаимоотношений субдисциплин «внутриполитическая регионалистика» и «международные отношения» непрерывное наблюдение за этим предметом трансформации не получается: объект наблюдения «союзная республика» просто исчезает с радаров «регионалистики», а на радарах «международных отношений» просто появляется некий новый объект «независимое государство». Для современников этих преобразований совершенно ясно, что исчезнувшая из контента «регионалистики» республика СССР реинкарнирует в «международку» в облике независимого государства. Однако для поколения, которое узнает об этом из книжек, связь между исчезнувшей республикой и появившимся в списке независимых государств новым названием далеко не очевидна, особенно если мы говорим о методологическом познании того и другого объекта.

Концептуально-понятийный строй субдисциплин «внутриполитическая регионалистика» и «международные отношения»

различается достаточно радикально, между их списками ключевых понятий почти отсутствует механизм конвертации смыслов, за исключением ядра общих для политической науки понятий, таких как «политический актор», «политический институт» и пр. Ситуация распада СССР и процесс преобразования внутриполитических отношений между республиками СССР в международные отношения независимых государств высвечивают эту парадоксальную взаимную теоретико-методологическую непрозрачность двух субдисциплин политической науки. А между тем здесь же высвечиваются и некоторые основания для теоретико-методологической переклички, диалога, сближения.

Первое, что позволяет выявить некоторую общую методологическую основу, это принцип системности, в свете которого объект исследования (обобщенно политический регион) рассматривается как «система», имеющая в своем внутреннем строении «подсистемы», а сама она встроена в «метасистему», т. е. в систему более широкую. Отечественная внутриполитическая регионалистика традиционно рассматривает в качестве «системы» субъект федерации, в качестве «подсистемы» – муниципальное самоуправление, а в качестве «метасистемы» – Российское государство. Теория международных отношений рассматривает в качестве «системы» конкретную страну, в качестве «подсистем» – различные внутренние акторы, определяющие поведение страны на международной арене, а в качестве «метасистемы» – совокупность международных отношений или, в частности, союзы дружественных государств и т. п. Ситуация распада СССР ставит в этом плане триединую исследовательскую задачу: при изучении процесса трансформации «республики СССР» в «независимое государство»:

- а) на уровне «системы» в поле зрения попадает процесс преобразования межрегиональных отношений «республик СССР» в международные отношения «независимых государств»;
- б) на уровне «подсистем» необходимо исследовать процесс внутриполитической регионализации новой «системы» (независимого государства) и процесс выявления внутренних акторов, влияющих на поведение страны на международной арене;
- в) на уровне метасистемы предметом исследования становится процесс превращения внутриполитических отношений «союзная республика – союзная власть» в международные отношения «независимое государство – Россия», а также процесс встраивания новой «системы» (независимого государства) в метасистему международных отношений, в частности в объединения государств (НАТО, ОДКБ или др.).

Второе, что можно отметить в приведенных выше примерах, – это анализ вертикальных и горизонтальных структур коммуникаций, в которых находится политический регион. В теоретико-методологической повестке внутриполитической регионалистики к вертикальным структурам относятся коммуникации субъекта федерации с федеральным центром политического влияния и с муниципальными объектами собственного влияния. В системе международных отношений, где политический регион – это страна, к вертикальным структурам коммуникаций относятся ее связи с внешними глобальными центрами влияния, а также ее собственные объекты влияния в мире, на которые она транслирует влияние глобальных центров силы или свои собственные. Применительно к ситуации распада СССР речь идет о том, что в свете советологической внутриполитической регионалистики республика СССР исследуется как в структуре вертикальных отношений «союзный центр – союзная республика – области союзной республики», так и в структуре горизонтальных отношений «союзная республика – союзная республика». В свете международных отношений новое независимое государство также рассматривается в структуре вертикальных и горизонтальных отношений, где вертикальные коммуникации – это механизмы, проводящие влияние внешних глобальных (или региональных) центров силы на политику страны и требующие от нее трансляции определенных воздействий на третьи внешние территории. Например, если взять Грузию, то после распада СССР она встраивается в поле вертикальных коммуникаций с США и транслирует их влияние на территорию Абхазии в форме попытки военного захвата. А механизмы горизонтальных коммуникаций новых государств могут строиться либо с участием России, либо в обход нее. Анализ процесса распада СССР в этом аспекте позволяет высветить целый ряд переключек теоретико-методологических повесток внутриполитической регионалистики и теории международных отношений.

1. Преобразования вертикальных отношений «союзный центр – союзная республика», которые могут идти как по пути становления горизонтальной структуры «независимое государство – Россия» (Содружество независимых государств), так и по пути становления вертикальной структуры «Россия как центр глобальной силы – независимое государство».

Данная дилемма является одной из актуальных, в том числе для России: какой тип отношений с постсоветскими независимыми государствами Россия стремится сформировать в стратегической перспективе? Если только горизонтальные связи, то это значит, что вопрос о структуре вертикальных коммуникаций отдается на

попечение иных глобальных центров силы (например, США). Не менее острая дилемма России касается и ее самой. Внутриполитическая вертикальная структура «союзный центр – РСФСР» уходит в небытие. Возникает вопрос, в какую вертикальную систему коммуникаций встраивается государство Россия: в имеющуюся и созданную под политическое доминирование США, или Россия сама формируется в качестве глобального центра силы, конкурирует с США и строит собственные новые структуры вертикальных коммуникаций в постсоветском пространстве?

2. Преобразование горизонтальных внутриполитических отношений «союзная республика – союзная республика», в частности «РСФСР – иные республики», также может рассматриваться в нескольких концептуальных сценариях:

- а) они трансформируются в горизонтальные коммуникации России с постсоветскими независимыми государствами;
- б) они прекращаются, так как Россия строит свои горизонтальные связи в отношении иных стран;
- в) они прекращаются, так как постсоветские независимые государства строят свои горизонтальные связи в обход России;
- г) они трансформируются в структуры вертикальных коммуникаций постсоветских государств с Россией как с геополитическим центром силы.

Таким образом, эпистемы «системности» и «вертикально-горизонтальных коммуникаций», которые в равной степени работают как в концептуально-методологической рамке внутриполитической регионалистики, так и в концептуально-методологической рамке международных отношений, могут рассматриваться в качестве узлов своеобразной взаимной конвертации ноосфер названных субдисциплин политической науки и оснований для концептуально-методологических сопоставлений.

В настоящее время многое в этих субдисциплинах выглядит несопоставимым. Например, в поле международных отношений есть понятия “soft and hard power”, которыми не пользуется отечественная политическая регионалистика. Однако их анализ в рамках эпистемы «вертикально-горизонтальных коммуникаций» позволяет заключить, что эти понятия характеризуют механизмы вертикальных коммуникаций, которые используют центры глобальной силы для влияния на политику иного независимого государства. Речь идет об арсенале силовых методов принуждения объекта вертикального влияния к ведению необходимой политики (hard power) и об арсенале методов «незаметного» приучения объекта влияния к ведению этой же политики (soft power). По-

скольку в структуре внутривнутриполитической регионалистики также присутствуют представления о вертикали власти, постольку можно выявить и перекличку концептов. Исследования инструментов построения вертикали власти в СССР отмечают арсенал жестких методов принуждения союзных республик к централизации (попытки сдерживания военными средствами движения «прибалтийских народов в направлении достижения независимости» в конце 1980-х гг. [Zimon 1991, р. 11]; «Чем дальше на юг и юго-восток, тем больше проявляется склонность к насилию в ходе межэтнических конфликтов и тем больше жертв, связанных с участием в этих конфликтах советских вооруженных сил» [Zimon 1991, р. 30] и т. п.), а также арсенал методов приучения союзных республик к нормам порядка централизованной федерации (идеология «социализма с человеческим лицом» и «демократизации партии»¹, «национальная идея» [Zimon 1991, р. 11], переговоры по созданию идейного консенсуса в рамках нового союзного договора [Zimon 1991, р. 9] и пр.). Взаимосвязь «жестких» и «мягких» методов влияния в рамках вертикальных политических коммуникаций действует как в рамках внутривнутриполитической регионалистики, так и в рамках международных отношений. При этом, безусловно, содержательное наполнение «жесткой» и «мягкой» политики построения вертикали власти внутри суверенного государства будет существенно отличаться от содержания «жестких» и «мягких» влияний при строительстве или функционировании вертикальных коммуникаций в поле международных отношений. Если рассматривать ситуацию распада СССР в этом аспекте, то можно выделить следующие переделы соотношения «жесткого» и «мягкого» политических влияний:

- а) попытка ГКЧП резко форсировать «жесткий» механизм сохранения централизованного СССР столь же резко обнулила весь потенциал «мягкого» удерживания (идеологического, политико-переговорного), что привело к распаду СССР;
- б) ослабление как «жестких», так и «мягких» механизмов централизованной федерации в РСФСР привело к тому, что инерция дезинтеграции СССР продолжилась в Российской Федерации [Zimon 1991, pp. 22–23] и появился «парад суверенитетов»;

¹ О демократизации советского общества и реформе политической системы: Резолюция // XIX Всесоюзная конференция КПСС, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит., 1988. С. 135–145.

- в) в 1990-е гг. в отношениях «Россия – постсоветские независимые государства» как механизмы «жесткого», так и механизмы «мягкого» влияния почти исчезли;
- г) одновременно заработали механизмы как «жесткого», так и «мягкого» влияния США на постсоветские независимые государства. Таким образом, при преобразовании внутриполитических отношений «союзный центр – союзные республики» произошла радикальная смена структуры «жестких» и «мягких» механизмов влияния, связанных с этим классом политических регионов: во-первых, само присутствие «жестких» и «мягких» механизмов сохранилось; во-вторых, после распада СССР центром силы, использующим по отношению к бывшим советским республикам «жесткие» и «мягкие» механизмы влияния нового формата (формат международных отношений), стали США.

Разметка проблемного поля ситуации распада СССР в свете отнесения подходов, характерных для внутриполитической регионалистики, и подходов, типичных для международных отношений, позволяет заострить внимание на таких вопросах, как:

- 1) стремится ли Россия конкурировать с США за строительство вертикальных коммуникаций с постсоветскими независимыми государствами?
- 2) если да, то как видится стратегическое соотношение роли «жестких» и «мягких» механизмов влияния по линии «Россия – постсоветские независимые государства»? Что доминирует, «жесткая» или «мягкая» сила?
- 3) на каком сочетании «жестких» и «мягких» механизмов влияния (внутриполитический формат) в отношениях «федеральная власть – региональная власть» строится стратегия внутренней устойчивости Российской Федерации – на доминировании «жестких» механизмов или на доминировании «мягких»?

Несмотря на то что п. 1 и 2 относятся к полю международных отношений, а п. 3 – к полю внутриполитической регионалистики, между ними существует содержательная перекличка. Например, для реализации механизмов «мягкой» силы в том и другом формате требуется работа собственной идеологической индустрии, которая способна обеспечивать как нужды внешнеполитической «мягкой» силы, так и нужды внутриполитической. Отсутствие в РФ сколько-нибудь ясной общей идеологии [Аржаных 2017] ослабляет оба контура политики «мягкой» силы.

В заключение можно сделать вывод, что возвращение к анализу ситуации распада СССР с позиций современной отечествен-

ной внутривнутриполитической регионалистики и современной теории международных отношений вскрывает запрос на теоретико-методологический диалог, теоретико-методологическое сближение этих двух субдисциплин политической науки. Перспектива сближения видится возможной в совместной, междисциплинарной проработке концепции региональной стратификации политического пространства [Дахин 2015], в рамках которой могут быть сформированы контуры перекликающихся концептов и ключевых понятий, характеризующих политические регионы разного калибра (объединение стран, отдельная страна, регион в составе страны, муниципалитет в составе региона) во всем многообразии их актуальных и динамично меняющихся отношений. Дальнейшая проработка этих вопросов позволит подойти к созданию более цельной, общей политологической теории региональной стратификации политического пространства в современном обществе.

Литература

- Аржаных 2017 – Аржаных Т.Ф. Идеологический дискурс в современной России: перспективы формирования российской идентичности // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия «История и политические науки». 2017. № 5. С. 216–225.
- Дахин 2015 – Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике и политике. Ч. 1 // Власть. 2015. № 10. С. 5–15.
- Zimon 1991 – Zimon G. Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Köln, 1991. 47 S.

References

- Arzhanykh, T.F. (2017), “Ideological discourse in contemporary Russia. Prospective for Russia identity forming”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria «Istoria i politicheskie nauki»*, no. 5, pp. 216–225.
- Dakhin, A.V. (2015), “The regional stratification of society. Global and local dimensions in culture, economics and politics. Part 1”, *Vlast'*, no. 10, pp. 5–15.
- Zimon, G. (1991), *Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken*. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, Köln, Germany.

Информация об авторе

Андрей В. Дахин, доктор философских наук, профессор, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия; 603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46; nn9222@rambler.ru

Information about the author

Andrei V. Dakhin, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia; bld. 46, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603950; nn9222@rambler.ru